РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННИК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Росток

Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Е. О. ЛАРИОНОВА

ПИСЬМО Л. С. ПУШКИНА К С. А. СОБОЛЕВСКОМУ ОТ 26 ОКТЯБРЯ 1825 г.

Письма Л. С. Пушкина к С. А. Соболевскому за 1823–1826 гг. сохранились в составе рукописного сборника из архива Соболевского, озаглавленного владельцем «Avant les voyages» («До путешествий». — *фр.*), — томе переплетенных в хронологическом и тематическом порядке бумаг Соболевского (письма разных лиц, мемориальные документы, списки стихотворений и пр.), относящихся ко времени до отъезда Соболевского в первое европейское путешествие в 1828 г.[1] В сборнике имеется семь писем и записок Л. С. Пушкина. Пять из них были опубликованы в разное время П. И. Бартеневым с некоторыми сокращениями и неточностями. Четыре (письма из Петербурга от 26 октября 1825 г., 10 ноября 1825 г., 17 января 1826 г. и осени 1826 г.) — в 1878 г.,[2] еще одно письмо из Петербурга от февраля 1823 г. — в 1906 г.[3] Две записки, относящиеся к пребыванию Л. С. Пушкина в Москве, — от 30 июля 1823 г. и без даты — в печати не появлялись.

В наименьшей степени повезло в печати письму от 26 октября 1825 г. Оно оказалось разделено Бартеневым на два самостоятельных недатированных письма.[4] Бартенев также опустил имеющуюся в письме приписку Ф. А. Туманского.[5] Отрывок из этого письма

---

[1] ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 136, л. 331–344 об.

[2] Русский архив. 1878. № 11. С. 395–398.

[3] Там же. 1906. № 5. С. 126–127.

[4] Первое — до слов: «Аминь, аминь, тем кончу я рассказы!» (см. приводимый ниже текст); второе — со слов: «Я чрезвычайно рад, что мы возобновили с тобой...».

[5] Федор Антонович Туманский (1799–1853) — выпускник Московского университета, поэт. С мая 1821 г. на службе в Департаменте духовных дел в Петербурге. Уволился по прошению 8 мая 1825 г. и в сентябре того же года был

© Е. О. Ларионова, 2016

вместе с письмами от 10 ноября 1825 г. и от 17 января 1826 г. вошел в подборку «Пушкин в переписке С. А. Соболевского», подготовленную М. Светловой для пушкинского тома «Литературного наследства» 1934 г.[6] Здесь напечатана вторая часть письма от 26 октября 1825 г., с заголовком: «Из письма Л. С. Пушкина», с отточием перед первыми словами («Я чрезвычайно рад, что мы возобновили с тобой...»), с невнятным указанием на ошибку первой публикации[7] и опять без приписки Туманского. Текст проверен по рукописи и вполне исправен, за исключением одной досадной ошибки, указываемой нами ниже. Наконец, все письма не так давно были помещены в 4-м томе издания «Мир Пушкина».[8] Текст писем перепечатан из «Русского архива».[9] Письмо от 26 октября 1825 г., таким образом, вновь оказалось разделено на два самостоятельных письма, причем довольно сильно разнесенных по времени.[10]

Поскольку письмо Л. С. Пушкина к С. А. Соболевскому в Москву от 26 октября 1825 г. представляет, на наш взгляд, не-

---

определен в Департамент разных податей и сборов. Впоследствии секретарь консульства в Молдавии (с 1841 г.) и русский консул в Белграде. В Департаменте духовных дел Туманский был сослуживцем Л. С. Пушкина, поступившего туда 13 ноября 1824 г. и служившего до октября 1826 г. Летом — осенью 1825 г. Ф. А. Туманский вместе с П. А. Плетневым и Л. С. Пушкиным, судя по всему, принимал непосредственное участие в подготовке первого сборника «Стихотворений Александра Пушкина» (СПб., 1826). В так называемой Тетради Всеволожского, служившей одним из источников пушкинского текста при составлении цензурной рукописи сборника, имеются многочисленные пометы его рукой (пробы пера). По окончании переписки стихотворений Пушкина Тетрадь Всеволожского осталась у Ф. А. Туманского. См.: *Цявловский М. А.* Судьба тетради Всеволожского с 1825 г. // Летописи Гос. лит. музея. М., 1936. Кн. 1: Пушкин. С. 76—77. Приписка на письме Л. С. Пушкина к Соболевскому служит подтверждением тесного общения Л. С. Пушкина с Ф. А. Туманским осенью 1825 г.

[6] Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 728—730.

[7] «Впервые напечатано П. И. Бартеневым <...> с подразделением письма на две части и с некоторыми сокращениями в тексте» (Там же. С. 728). Из этого указания остается совершенно неясным ни то, как именно поделил письмо на две части Бартенев, ни то, что первой части этого письма соответствует первое письмо в его подборке.

[8] Лев Сергеевич Пушкин в кругу современников / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. И. А. Муравьевой. СПб., 2005. С. 82, 87—90. (Мир Пушкина; Т. 4).

[9] Указание в примечаниях, что три письма, опубликованные в «Литературном наследстве», печатаются по тексту этого издания, не соответствует действительности: по «Литературному наследству» внесены только отдельные дополнения и исправления.

[10] Первое из них И. А. Муравьевой предположительно датировано здесь первой половиной 1825 г.

сомненный литературный интерес и, трижды появившись в печати, никогда не было напечатано целиком без ошибок и неточностей, приводим еще раз его текст.

Л. С. ПУШКИН – С. А. СОБОЛЕВСКОМУ

Во-первых, благодарю тебя за письмо твое. Во-вторых, имею честь тебя уверить, что если бы твои уши были довольно длинны для того, чтобы я их отсюда достал, то я бы их выдрал чрезвычайно усердно за дурную твою шутку в отношении к О. С.[1] — Тебе, впрочем, может быть неизвестно, что я сделался человеком весьма моральным, и по сей-то причине предоставляю тебе на съеденье одного С. Л.[2] Только, кушая его, не подавись сморщенным его мясом, мне же оно так приелось, что после каждого нашего свидания у меня от одного его запаха бывает тошнота и индижестия.[3] — Теперь утро, и на тощах <sic!> об этих вещах говорить не должно.

Что тебе вздумалось мне давать препоручения к Цициянову; знаешь ли, что он и где он? Вот тебе вся его история. Приехавши в Петербург, его светлость князь Цицианов, наследник имеретинского престола, остановился в Большой Мещанской, в трактире «Париже», под № 27. Мы же, темные дворяне, каждый день у него обедовали <sic!>, ужинали, завтракали, и каждый день ему обходился около 200 и 300 рубл<ей>. Между тем Цицианов играл в карты и проиграл 50 тысяч; не в состоянии будучи уплатить их и не намереваясь давать векселя, он начал укладывать в узелки белье свое и тихомолком надеялся ускользнуть восвояси; но Луи, содержатель и заимодавец Цицианова, остановил его силою полиции; какой-то из грузинских князей поручился за него, но Цици<анов>, находящийся уже не в состоянии продолжать роскошную жизнь свою, удалился в Ямскую, где и живет уже около двух месяцев, и никто его не видает.[4] Аминь, аминь, тем кончу я рассказы![5]

Я чрезвычайно рад, что мы возобновили с тобой никогда, впрочем, не заводимую переписку; пиши же мне об Москве, об ее глупостях и об В. Л.[6] Уверь эту скотину, что «Ах тетуш<ка>, ах Ан<на> Льв<овна>» не брата и никого из семейства,[7] разве, может быть, С. Л.[8] хотел подшутить, да и подделался под брата. — Поклонись от меня Вяземскому и скажи ему следующее: Вы спрашивали у Льва Пушкина, чрез сестру его Ольгу, какие именно пьесы его брата надобно

поместить, помнится, в «Телеграфе». Лев же Пушкин сего не знает, и знать об этом больше вас самих никто не может. Может быть, Ольга Сер<геевна> с непривычки дурно объяснила ваше препоручение, а вы спрашивали только, что нет ли у него, вышеупомянутого Льва, какой-либо пьесы, то на сие последнее он говорит следующее: помнится, я князю Вяземскому вручил все новые пьесы моего брата,[9] но, однако, впоследствии оказалось, что одна из них ускользнула, почему я и препровождаю ее на его благорасположение:

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной
И невидимы навещают
Места, где было всё милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертие вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей.

Но, может быть, мечты пустые!
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной! — —
Быть может, там, где все блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я.[10]

Перепиши эту пьесу для кн<язя> Вязем<ского> или, если лень, то оторви ее для него от другой половины письма;

во всяком случае уничтожь первую страницу[11], писанную какой-то свиньей, а не вашим покорным

Лев Пушкин.
1825. 26 окт<ября> С. Пет<ер>б<ург>

<Приписка Ф. А. Туманского на полях последней страницы:>

Кланяюсь тебе, любезный Соболевский, и прошу тебя, если можешь, отклонить Розе от намерения подавать век<сель> ко взысканию — уверь его, что он, сделавши это, рассердит меня и не получит ни гроша, а лучше, ежели подождет. — Цицианов напроказил и опохабил свою высокую персону. Затеял играть на бильярде с одним офицером конной гвардии и продул ему 50 000 р. Каков малый! — Зимой, может быть, увидимся. — До свидания. Туманский.

Печатается по рукописи: ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 136, л. 338–339 об.

[1] К сестре А. С. и Л. С. Пушкиных Ольге Сергеевне Павлищевой. В чем состояла «дурная шутка» Соболевского, неизвестно.

[2] Сергея Львовича Пушкина.

[3] несварение желудка (*устар., мед.*).

[4] П. И. Бартенев оставил имя князя Цицианова без пояснений. Всякой вероятности лишено утверждение И. А. Муравьевой (см.: Лев Сергеевич Пушкин в кругу современников. С. 297), что речь идет об известном князе Дмитрии Евсеевиче Цицианове (1747–1835), к этому времени почти восьмидесятилетнем старике, принадлежавшем к высшему обществу и в 1825 г. жившем в Петербурге в своем доме (см.: Русское богатство. 1904. № 3. С. 87). Имеется в виду кто-то из молодых представителей достаточно большого рода князей Цицианов. С некоторой долей вероятности можно предполагать, что это Федор Иванович Цицианов (1801–1832), воспитанник Пажеского корпуса, в 1820 г. выпущенный прапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк, сослуживец и приятель И. Е. Великопольского, знакомый Пушкина. В конце 1820 г. после расформирования Семеновского полка Ф. И. Цицианов был переведен вместе с Великопольским в Псковский пехотный полк, где служил до отставки в декабре 1827 г. (см. о нем: *Пушкин А. С.* Письма. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 152; примеч. Б. Л. Модзалевского). «Наследником имеретинского престола» Цицианов назван с известной долей иронии, вероятно, из-за его похвальбы своей генеалогией: в XVII в. дочь одного из Цицианов, князя Надара Цици-Швили, вышла замуж за царя Имеретии Арчила (см.: *Ermerin R. I.* Annuaire de la Noblesse de la Russie... SPb., 1892. P. 313; Родословие князей Цицианов // Всемирная иллюстрация. 1873. Т. 9. № 213. 27 янв. С. 83).

[5] Несколько измененная цитата из «Гавриилиады». У Пушкина: «Аминь, аминь! Чем кончу я рассказы?» (X, 136).

[6] Василии Львовиче Пушкине.

[7] Шуточная элегия на смерть Анны Львовны Пушкиной, скончавшейся в Москве 14 октября 1824 г., была написана Пушкиным и Дельвигом во время

пребывания Дельвига в Михайловском в апреле 1825 г. и сразу же послана Вяземскому. «Если: Ах, тетушка! Ах, Анна Львовна! попадется на глаза Василью Львов<ичу>, то заготовь другую песню, потому что он, верно, не перенесет удара», — замечал Вяземский в письме к Пушкину от 7 июня 1825 г. (XIII, 165—166, 181). Начав распространяться в списках, стихотворение действительно дошло до В. Л. Пушкина и вызвало его негодование. «Ради Бога докажи Вас<илию> Льв<овичу>, что Элегия на смерть *Ан<ны> Льв<овны>* не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника, — просил Пушкин Вяземского в письме от второй половины сентября (не позднее 24-го) 1825 г. — Он восклицает "а она его сестре 15 000 оставила!"... <...> Дело в том, что, конечно, Дельвиг более виноват, нежели я» (XIII, 231).

[8] Сергей Львович. Во всех предшествующих публикациях это место передано ошибочно. В «Русском архиве» инициалы прочитаны: С. А.; в «Литературном наследстве»: Л. С. (получается, что Лев Сергеевич имеет здесь в виду самого себя). И. А. Муравьева приняла чтение «Литературного наследства», но в комментариях предположила, что чтение Бартенева более верно и инициалы С. А. означают, что «Лев просит Соболевского приписать авторство себе» (Лев Сергеевич Пушкин в кругу современников. С. 298).

[9] Еще 27 марта 1825 г. Пушкин писал брату: «Об Вяз<емском> получил известие. Перешли ему, душа моя, все, что ты имеешь на бумаге и в памяти из моих новых сочинений» (XIII, 157). См. также в письме Пушкина к П. А. Вяземскому от 13 июля 1825 г.: «Брат писал мне, что ты в Ц<арском> С<еле>, что он переписал для тебя мои стихи...» (XIII, 187).

[10] Стихотворение было написано в 1822 г. В Михайловском, видимо, было окончательно доработано и не вошло в сборник 1826 г. только по недосмотру Л. С. Пушкина. Соболевский своей волей отдал полученное стихотворение в «Московский телеграф», чем возмутил Л. С. Пушкина. «Что за своевольное распоряжение пьесой, мною присланной не к тебе, а к Вяземскому, — писал он к Соболевскому 10 ноября 1825 г., — почему ты знаешь, что Вяземский, *единственный и полный* ее хозяин, отдал бы ее в "Телеграф"? <...> ...я от тебя требую как от приятеля и от честного человека, чтобы пьеса, присланная мною к Вяземскому, никоим образом не была бы напечатана без ведома Вяземского» (Литературное наследство. Т. 16—18. С. 729). Однако, видимо, передача стихотворения в «Телеграф» вполне согласовывалась с намерениями Вяземского. Стихотворение было напечатано в № 1 за 1826 г. (выход в свет 21—22 января 1826 г.) под редакторским заглавием: «Элегия». Вошло без заглавия и с незначительными пунктуационными изменениями в первую часть «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 г. Копия в письме Л. С. Пушкина к Соболевскому, служившая источником первой публикации, позволяет исправить ошибку в стихе 9, допущенную в журнальной публикации и перешедшую в издание 1829 г. и во все последующие: «И невидимо навещают» вместо правильного: «И невидимы навещают».

[11] То есть л. 338—338 об., последние слова на которых: «Вы спрашивали у Льва Пушкина, чрез сестру его Ольгу, какие именно пьесы его брата надобно поместить, помнится, в».